

№ 242. ТОВАРИЩИ!

Мы не празднуем первого Мая. Мы бастуем в этот день. Бастуем в память наших подло и злодейски убитых товарищей; бастуем, потому что хотим напомнить несознательным еще товарищам, что мы — не холопы и отказываемся работать, несмотря на то, что этот отказ не нравится хозяевам; бастуем для того, чтобы посвятить день первого Мая работе, ведущей нас к полному самоосвобождению из-под ига богачей и из-под ига тех людей, которые правят или хотят управлять нами.

Мы бастуем, а не празднуем первого Мая. Праздновать наши праздники мы будем тогда, когда освободимся от паразитов-капиталистов и паразитов-правителей.

Что мы можем праздновать первого Мая? Не то ли, что рабочий класс из поколения в поколение остается классом бедняков, хотя создает несметные богатства? Не то ли, что при каждой серьезной попытке улучшить свое положение путем стачки и борьбы, — на места стачек посылают войска, убивающие и бросающие в тюрьмы наших товарищей? Не то ли, что во всех странах, — в том числе в демократических французской и американской республиках, — тюрьмы держат за своими решетками борцов за рабочее дело? Не то ли, что рабочих обирает буржуазия, обманывают самые демократические правительства и самые левые политические партии?

Таких вопросов можно задать очень много, и мы все-таки не узнаем, почему нам надо праздновать в день первого Мая.

Мы бастуем, а не празднуем в этот день. И если в наших рядах назрела решимость добиваться стачками какого-либо экономического требования, — хотя бы 7-ми часового рабочего дня, — со дня первого Мая могут начинаться наши упорные стачки, охватывающие рабочих многих промыслов.

В этот день, в день нашей забастовки, мы не должны быть игрушками в руках стремящихся властвовать над нами политических партий, хотя бы они и именовались социал-демократическими.

У них — своя цель, у нас — своя. Мы хотим полного экономического равенства всех людей; хотим, чтобы не было никакого начальства, а лучшие из этих партий хотят посадить нам на шею правительство, которое захватит в свое распоряжение все предприятия и будет править нами так, как взбрдет ему в голову.

Долой всякое рабство — экономическое и политическое! Долой буржуазное рабство! Долой рабство социал-демократическое!

Мысль о первомайской забастовке возникла не в рядах социалистических партий, а в наших — рабочих — рядах. Ее провозгласили американские рабочие на своем Чикагском съезде

1884 года и на своем съезде в Сент-Луи 1888 года.

В первый раз бастовали 1 Мая 1886 года американские рабочие. Начатая первого Мая забастовка ставила своей целью добиться 8 часового дня. Она затянулась.

3 Мая бастовали еще 35 тысяч рабочих. Несколько тысяч бастующих собралось около фабрики земледельческих орудий Мак Кормика, рабочие которой не участвовали в стачке. Совершенно неожиданно отряд полицейских открыл по толпе стрельбу из револьверов. Толпа отхлынула, но, оправившись от неожиданности, бросилась на полицию.

На помощь последней явилось 200 вооруженных скорострельными ружьями полицейских, которые и начали стрелять в толпу. Толпа разбежалась. Число убитых и раненых было скрыто полицией.

На другой день вечером рабочие возвращались со своего митинга. На них снова напали 125 вооруженных скорострельными ружьями полицейских, но кто-то бросил в нападающих бомбу, которая и разорвалась в рядах последних. После взрыва упало человек 60 полицейских (частью, вероятно, от испуга; из них умерло от ран 8 человек). Полицейских охватила паника, но подоспевшее подкрепление снова стало стрелять по рабочим. Толпа опять-таки бежала, и опять-таки нельзя было установить число убитых и раненых.

Начались многочисленные аресты. В числе арестованных находилось 8 видных анархистов; они были осуждены судом за убийство полицейских, хотя не было и тени сомнения в том, что не они бросили бомбу. Один из осужденных на смерть Линг кончил в тюрьме самоубийством, взорвав динамитный патрон, четверо — Август Спиз, Альбер Парсон, Георг Энгель и Адольф Фишер были убиты палачами. Фильден и Шваб были осуждены на пожизненное тюремное заключение. Неебе — на 15 лет тюрьмы. Этим дело не кончилось. Губернатор Иллинойса Альгельдом пересмотрел в 1893 году дело осужденных, и после тщательного исследования все они были признаны абсолютно невиновными и трое оставшихся в живых выпущены из тюрьмы. В мотивах к приказу об освобождении губернатор указал на бесчестность судей, присяжных и подкупленных свидетелей. Он указал также, что приговор был составлен заранее и вынесен по приказу. Было обнаружено, что один из сыщиков нашел бросившего бомбу человека, но не мог добиться приказа об его аресте: полиция дала возможность этому человеку скрыться.

Во время майского движения того же года, при нападении на манифестантов в Мильвоко, было убито девять рабочих.

Практические результаты этого движения, если говорить о первом времени, были не особенно велики, но и не незначительны. Еще перед майской манифестацией-забастовкой предприниматели были вынуждены «дать» восьмичасовой рабочий день 35 000 рабочим, тотчас после нее 125 000, в течение следующего за ней месяца 200 000 рабочих получили 8 часовой день. Часть рабочих временно утратила свое завоевание, но толчок был дан, и очень многие организованные рабочие Северо-Американских Соединенных Штатов добились восьмичасового рабочего дня.

Таким образом, хотя и не безрезультатно, но далеко не празднично, прошла первая первомайская забастовка. Непримируемость интересов рабочих и капиталистов, поддерживаемых государством, вспыхнула ярким блеском. Была пролита кровь рабочих, пролита слугою и покровителем капиталистов — государством. Был совершен обычный, раз дело идет об отношении к рабочим, предательский акт нападения и глубоко бесчестный акт мщения.

Первомайское движение было создано и проведено рабочими, но в рабочее дело вмешались социалисты-политики и исказили его, как исказили и другие проявления творческой рабочей мысли. Парижский международный социалистический конгресс вынес в 1889 году следующую резолюцию: «Назначается великая международная манифестация в раз установившееся число таким образом, чтобы разом во всех городах в один установленный день трудящиеся предъявили общественным властям требование ограничения рабочего дня до 8 часов», а также выполнения всех других постановлений международного конгресса в Париже; так как подобная манифестация уже назначена на 1-ое Мая Американской Федерацией Труда на конгрессе I этой федерации в Сент-Луи в декабре 1888 года, то это число было принято и для международной манифестации. Трудящиеся различных наций выполняют эту манифестацию так, как им будет подсказано особыми условиями их стран.

Совет конгресса был очень плох. Конгресс с его социалистами-политиками сразу понизил значение и размах грозной по существу рабочей манифестации-забастовки, превратив ее в столь милое буржуазному сердцу хождение по начальству с прошениями.

Жалкое зрелище представляли из себя 12 рабочих делегатов, впервые отнесших тетрадь своих требований во французскую палату депутатов. Но это жалкое зрелище превратилось в позорное, когда полицейский обратился к вышедшим из палаты делегатам с приказом разойтись: «Ваши полномочия кончены. Вы не должны идти далее процессией. Проходите», — и муниципальная стража разогнала рабочих.

Рекомендованные Парижским конгрессом паломничества к властям были прекрасным способом разрядить революционную энергию рабочих. Все эти хождения по начальству могли только развращать малосознательную часть рабочих, убаюкивая их ложной надеждой, что правительство, узнав о нуждах рабочего класса, распорядится облагодетельствовать его. На самом же деле, правительства с опозданием и всевозможными ограничениями могут только записать в свои законы сделанные рабочим классом завоевания. Правительства, отражая действительное соотношение сил, никогда ни в чем не обнаруживают творческой способности. Правительства обладают силой разрушения, но они не творят. Творят только массы, своим действием выковывая свою многогранную жизнь.

Понятно, что предъявляемые властям требования рабочих клалась под сукно. Рабочих встречали или грубо, или вежливо, брали от них списки требований, а дальше дело не шло. Своими хождениями к властям рабочие нигде не добились уменьшения рабочего дня. Дело, хорошо начатое американскими рабочими, было совершенно испорчено не рабочим Интернационалом, высказавшимся не за однодневную всеобщую забастовку, а только за холопскую манифестацию с челобитной к начальству.

Вся дальнейшая деятельность социалистических партий и конгрессов нового Интернационала свелась к тому, что 1 Мая превратилось у многих рабочих в праздник, во время которого митинговые ораторы перечисляют некоторые пожелания наемных рабочих. Помимо этого праздник был использован политиками в целях избрания социалистических законодателей в парламент.

Немецкая социал-демократия, сначала враждебно относившаяся к первомайской забастовке, начала высказываться за прекращение работ с того времени, как забастовка-демонстрация превратилась в праздник, с того времени, как убедилась, что день первого Мая может утратить всякое революционное значение. Дело дошло до того, что в некоторых случаях сами предприниматели распускают на этот день рабочих.

Хождения рабочих по улицам городов, заявления митинговых ораторов о желательности 8-ми часового дня, всеобщего мира и прочего нигде и никем не принимались во внимание.

С прогулками мирно настроенных рабочих никто не считался. Только во Французской республике, где буржуазия не верит, что рабочие всегда будут проводить этот день так бесцельно, как проводят его руководимые своим социал-демократическим начальством немецкие и бельгийские рабочие, — только в этой республике первое Мая рассматривается правительством как день возможного мятежа. Полиция и войска нападают в этот день на сходящихся толпами рабочих, так как буржуазия боится, что эти толпы начнут строить баррикады и выкинут на них черные знамена. Во Французской демократической республике впервые была испробована сила лебелевских ружей на гулявших 1-го Мая рабочих, причем за один прием было убито девять человек (в том числе шесть в возрасте от 11 до 19 лет). Конечно, и в России, где правительство боится революции, оно расстреливало рабочих и в день первого Мая.

Французские рабочие перестали представлять правителям список требований. Они не хотят уже смотреть на первое Мая как на праздник. По их мнению, этот день должен быть днем забастовки, днем демонстраций и днем практических завоеваний. Их связанное с первым Маем движение 1906 г. имело практические результаты. Дело было так. В 1904 году конгресс французских синдикатов в Бурже вынес следующую резолюцию: «Принимая во внимание, что рабочие могут рассчитывать в деле улучшения быта трудящихся только на самих себя; принимая во внимание, что агитация за 8-ми часовой рабочий день явится шагом к окончательному делу всеобщего освобождения, конгресс дает поручение Всеобщей Конфедерации Труда организовать сильную и все растущую агитацию для того, чтобы первого Мая 1906 года рабочие сами перестали работать более 8-ми часов».

Как эта резолюция, так и последовавшая за ней агитация произвели во Франции громадный переполох. Рабочие не добились выставленной цели, но как раз благодаря этому движению участники его добились того или иного сокращения рабочего дня. Из 383 стачек за уменьшение рабочего дня в 1906 году, — 201 окончились полным или частичным успехом, несмотря на исключительные трудности и на озлобление хозяев, несмотря на объявление на осадном положении многих городов и вмешательство правительства, проявившееся 482-мя обвинительными приговорами.

